

ВСЕ СНАЧАЛА

И был праздник. И был лед, радужно сияющий под лучами разноцветных прожекторов. И на льду том зрелище поистине фантастическое, нигде и никем еще не виданное, — цирковое представление, перенесенное на цирковую арену. Изобрел это чудо неуемный фантазер, выдумщик, талантливый режиссер А. Арнольд.

Позже появилась еще одна подобная труппа — “Цирк на льду-2”. И, что уж скрывать, большинство номеров здесь были по идее, по трюкам почти такими же, как и в первом ледовом коллективе.

Шли годы, и интерес к зрелищу, когда-то вызывавшему всеобщее восхищение, стал ослабевать. В чем тут была причина — то ли благое дело, втянувшись в ряд индустрии развлечений, поставленное “на поток”, пошло-поехало по накатанной, апробированной колее, то ли угасла искорка поиска, творчества, разжигавшая в былые годы стремление к созданию оригинальных работ?.. Но ощущение праздника на арене неизбежно утрачивалось.

Наверное, почувствовали это и многие артисты, решившие сменить “ледовую” специфику на обычный манеж. Профессионалы знают, как подчас нелегко это, какой психологический — да и чисто организационный — барьер приходится преодолевать.

Покинул давно обжитой лед и Василий Кирбатов. Номер его — экилибр на ходулях — был украшением программы, проходил неизменно “на ура”. Используя ручные ходули, в стойке на одной руке, да и в других самых неожиданных положениях — скользил он по льду легко и с каким-то изяществом, искусно минуя расставленные препятствия, совершая прыжки, курбеты. И вот теперь все это в прошлом.

То, что Кирбатов уже не солист “Цирка на льду”, я не знал, потому-то и удивился, увидев его фамилию в программе обычного “опилочного” дивертисментного представления. Первой мыслью было: а может, однофамилец? Хотя, впрочем, ничего удивительного, в сущности, — ту же работу без особых потерь можно перенести на обычный манеж, застелив его небольшой пластиковой площадкой и сменив ледовые коньки на роликовые. Многие, кстати, так и делают — хоть и новизны никакой, зато хлопот для артиста меньше: стриги себе купоны с былой славы и ни о чем не думай!

Грешен, так я и решил вначале, перед выходом артиста. Но, к счастью, я ошибся. Вот инспектор объявляет номер, и в момент появления Кирбатова на манеж из-под купола плавно опускается некое странноватое сооружение — что-то вроде двух параллельных, не соединенных между собой рельсов. Лишь штамборт удерживает их.

Да, были роликовые коньки, были и ходули. Но вся прежняя работа, когда-то виденная мной, неузнаваемо преобразилась — изменилась композиция, трюковой арсенал, сам образ артиста.

Вот он встает на рельсы, и аппарат плавно взмывает в воздух, в подкуполье. Но и там не остается неподвижным — наклоняется в стороны, опускается и вновь взлетает высь. И во всех этих положениях артист, удерживая равновесие, исполняет непростые трюки — стойки на руке с ходулей, кофштейны, катание на ручных ходулях (концы которых тоже “обуты” в ролики). А в финале балансируя на ручной двухметровой ходуле, другой рукой подносит к губам трубу — и с высоты льются звуки лирической мелодии.

Это перечисление трюков (далеко не всех!) не передаст, конечно, атмосферы номера, его незабываемого настроения. Безусловно, номер безупречен в техническом отношении. Но то, что показывает Кирбатов — не бездушная техника, не череда виртуозных трюков, рассчитанная на ошеломление публики. Безукоризненное мастерство — не самоцель, а лишь средство выражения образного строя номера.

У артистов есть такое правило: зритель не должен знать о всех трудностях, которые неизбежно приходится преодолевать на пути к номеру. Каждодневные изнурительные репетиции “до семи потов” — это невидимая для публики основная часть айсберга. И лишь сияющая вершина уже достигнутого предстает всеобщему взору. Не потому ли, когда видишь Василия Кирбатова, с легкостью проделывающего свои замысловатые трюки, невольно закрадывается мысль о доступности и простоте всего исполняемого. То всего лишь иллюзия легкости. И ничего тут предосудительного нет. Так, по сути, и должно быть — ведь только тогда и возникает в зрителях радость от соприкосновения с искусством. И лишь одному артисту ведомо, как это адски трудно — безмятежно улыбаться, удерживая баланс на длинной ручной ходуле или раскачиваясь в кофштейне, когда под тобой еще и колеблется, “уходит” в разные стороны подвижный аппарат.

А еще я подумал: как нелегко всякий раз начинать сначала. В ГУЦЭИ на предпоследнем курсе Василий входил в группу акробатов на першах под руководством Р. Манукяна. Затем занимался с С. Каштеляном — готовил номер, в котором соединялись музыкальная эксцентрика и элементы каучука. После училища проработал в номере у Е. Милаева. Закончив службу в армии, он неожиданно для себя получил приглашение от самого Арнольда и стал артистом “Цирка на льду-2”. Хотя решиться на такой шаг человеку, ни разу в жизни не стоявшему на коньках, было непросто. Помог тренер — олимпийский чемпион А. Горелик. Но научиться скользить по льду — это только полдела. Предстояло отработать на коньках все трюки. Постепенно вошел в ритм, начал выступать в акробатической паре с А. Шуляковским. А потом и солистом стал, и лауреатом Всесоюзного конкурса циркового искусства. И вот после многих лет работы на льду решил сделать что-то свое, пойти на эксперимент.

Придумав свой рельсовый аппарат, Василий и сам еще не знал, как воплотить идею нового номера на манеже. На помощь пришел режиссер Виктор Франке. Он наметил композицию номера, образ романтического героя.

В чередовании программ, лиц, номеров цирковому артисту легко “затеряться”, остаться незамеченным зрителями. И спасает здесь не только отточенная техника, но и “лица необщее выражение”, присущее по-настоящему творческой личности. А еще умение построить свой номер зрелишно, исполнить его с артистизмом, выразить в нем себя — свой жизненный и артистический стиль, взгляд на мир, на искусство. Именно такие номера запоминаются надолго, принося радость зрителям и удовлетворение артисту.

Номер окончен. Под аплодисменты Василий Кирбатов покидает манеж. А я думаю: счастлив человек, сумевший найти себя в новом амплуа, сумевший не поддаться искушению повторить уже пройденное. Искусство ведь не терпит копирования. Я думаю: счастлив артист, нашедший свою дорогу, на которой еще столько нераскрытого и неизведанного.